

А. С. Запесоцкий¹

ЭКОНОМИКА И КУЛЬТУРА: К ВОПРОСУ О ХАРАКТЕРЕ ВЗАИМОСВЯЗЕЙ

Вопрос о взаимосвязях экономики и культуры относится к числу самых сложных и запутанных в современном знании. Дифференциация научного знания — процесс, зародившийся в момент появления науки, — зашел настолько далеко, что в научных отраслях, предметами которых являются экономика и культура, существуют на этот счет многие совершенно несовпадающие воззрения.

В системе государственного управления Россией с момента распада СССР и до последнего мирового экономического кризиса безраздельно торжествовал экономический детерминизм — своего рода вульгарная интерпретация марксистского положения о том, что бытие первично, а сознание вторично, что эко-

номика является базисом общественного развития, а культура, идеология, духовно-нравственная составляющая жизни — надстройкой, всецело определяемой базисом, полностью производной от экономики. В постсоветский период ведущим министерством в стране стало Минэкономразвития. Его роль столь велика, что именно данному министерству поручаются властью разработки проектов реформирования науки, образования и других сфер жизни отечественного социума. Формально идеология изгнана из деятельности государственного аппарата, реально же в основу деятельности органов власти положена именно идеология экономического детерминизма. В последнее время государственная политика становится более социально ориентированной, однако заката экономического детерминизма пока не предвидится.

Вульгаризация марксистского учения неоднократно подвергалась обоснованной критике. К примеру, булгаковский профессор Преображенский из «Собачьего сердца» утверждал, что «разруха начинается в головах», имея в виду не только плохое ведение

¹ Академик и член Президиума Российской академии образования, ректор Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов, заведующий кафедрой философии и культурологии, доктор культурологических наук, профессор. Председатель Исполкома Конгресса петербургской интеллигенции. Заместитель председателя Совета ректоров Санкт-Петербурга. Заслуженный деятель науки России. Заслуженный артист России.

народного хозяйства неумелыми, неискушенными в управлении комиссарами. В октябре 1998 года в одной из наших университетских дискуссий академик Д. С. Лихачев заметил: «70 лет нас воспитывали в пессимизме... Ведь марксизм — это одно из самых отчаянно пессимистических учений. Материя преобладает над духом, над духовностью — одно это положение говорит о том, что материя, то есть низменное начало, первична... Но дело не только в том, что материя не является основой духовности... я верю в человека. От нас зависит, станем мы проводниками добра или не станем. Поэтому такие вопросы, как “Что ждет нас в будущем?”, не имеют смысла. Нас ждет то, что мы сделаем сами, потому что таких законов, которые бы ввели нас по строго определенному пути и не давали никуда отклониться, в истории нет»¹.

В современной экономической теории влияние культуры, идеологии, нравственности (в широком смысле — «воли человека») на экономическое развитие исследуется весьма обширно. Достаточно упомянуть положения академика Льва Абалкина о теории исторического синтеза² или цикл исследований группы ученых под руководством академика Олега Богомолова³ и сказать, что ни одной Нобелевской премии по экономике в последние годы не было присуждено за «чисто» экономические работы, не учитывающие обусловленности экономических процессов социально-культурными. То есть представление о «базисе и надстройке», прочно владеющее умами наших сегодняшних российских управленцев и весьма удобное для решения отдельного класса теоретических, идеологических и практических задач (в особенности — задач по личному обогащению), является не единственно возможным и не содержит подходов к решению целого ряда острых проблем современности.

Но если перед исследователем не «базис и надстройка», то что это? Как можно себе представить взаимосвязь и взаимообусловленность экономики и культуры? Мне представляется, что одна из попыток переосмысления традиционного для советского марксизма подхода может быть предпринята в рамках культурологии, одной из задач которой сегодня является создание обобщающей картины социальной реальности. Для культурологии наиболее широкое понимание культуры — это представление о ней, как обо всем, что создано руками и разумом человека. В этом понимании культурой не является лишь природа. При таком подходе экономика уже не является базисом, а культура — надстройкой. Культура понимается как макросистема, в которой экономика является одной из подсистем, наряду с идеологией, идейным и другими комплексами. В повестке дня — попытка осмысления экономической сферы человеческой деятельности как большого культурного комплекса в рамках культуры как системной целостности.

¹ Д. С. Лихачев — Университетские встречи. 16 текстов / науч. ред. А. С. Запесоцкий. СПб.: СПбГУП, 2006. С. 69–70.

² Абалкин Л. Размышления о долгосрочной стратегии, науке и демократии // Вопросы экономики. 2006. № 12. С. 16–17.

³ См., например: Экономика и общественная среда: неосознанное взаимовлияние. Научные записки и очерки / рук. исслед. проекта, науч. ред. О. Т. Богомолов. М., 2008.

Какова конфигурация экономики как феномена культурной жизни? Как экономика связана с другими культурными комплексами? С какими, каков характер этих связей? Поиск ответов на эти вопросы в ближайшие годы, по-видимому, станет перспективнейшим направлением исследований и для экономистов, и для культурологов.

Всю возникающую здесь проблематику в рамках тезисов обсудить и даже затронуть не представляется возможным. Выскажем лишь два соображения в качестве примера.

Первое из них касается взаимосвязи общественной идеологии и системы ценностей с экономикой. Моральная сущность экономических отношений, их социальная обусловленность изучались еще в Древней Греции Аристотелем и Ксенофонтом. Тогда этика доминировала над экономикой, что характерно для всех культур традиционного типа.

В XVI–XVII веках в Западной Европе происходит становление капиталистического способа производства, техногенной культуры (о чем много и интересно пишет академик В. С. Степин). Столкновение традиционной морали и капиталистического хозяйствования приводит к новому пониманию места экономики в системе общественных ценностей, выраженному Адамом Смитом в конце XVIII века в концепции «экономического человека»: поскольку следование индивидуумом частным интересам в конечном счете обеспечивает общественное благо, то стремление к выгоде следует признать благотворным. Нравственно то, что выгодно. Признание экономического индивидуализма легло в основу либеральных экономических воззрений, получивших наибольшее распространение в Англии. Для них характерен космополитизм и принцип невмешательства государства в экономику.

В противовес этим взглядам германская школа политэкономии и права, начиная со второй половины XIX века, отстаивает необходимость учета национальных (культурных) особенностей экономики. Историки в этой связи обычно называют имена Г. Шмоллера, М. Вебера и В. Зомбарта. Шмоллер считал, что общность языка, истории, идей, обычаев связывает экономики глубже и сильнее, нежели движение товаров или капитала. Эта теоретическая школа связывала изучение экономических явлений с национальными культурами. Весьма настойчиво ставился вопрос и о важности общественных интересов, также формулируемых культурой.

Впоследствии теоретический диалог о взаимосвязи экономики и культуры шел в пространстве между двумя полюсами. На одном лежало представление об «экономическом человеке», на другом — о «человеке социальном».

В спектре классических экономических теорий наша страна до событий 1991 года находилась на крайнем левом фланге. Господствующей идеологией был марксизм, своеобразно развитый сначала Лениным, потом Сталиным и далее — их последователями в поздний советский период: всю экономическую жизнь в стране должно регулировать государство, человек понимается как коллективное существо — «человек социальный», а любые его индивидуальные потребности находятся на втором плане.

Все в обществе должно было планироваться государством, интересы индивидуума подчинялись интересам коллектива.

После гайдаровской реформы Россия переместилась в крайне правую, неолиберальную парадигму: государство не должно ничего регулировать, рынок сам все наладит, никакие потребности социума не важны — только потребности личности. Человек стал пониматься как существо, все действия которого определяются выгодой. Именно эта идеология пока реально доминирует в нашей стране. По этому поводу два года назад на Лихачевских чтениях остроумно высказался китайский академик Ли Цзин Цзе: в заимствовании достижений западной культуры опасно допускать как уклоны влево, так и уклоны вправо. Уклоном влево он называет курс Советского Союза при социализме, уклоном вправо — курс России в постсоветский период. И то, и другое приносит негативные результаты. Валовой национальный продукт Китая во время глобального кризиса в прошлом году вырос на 8 %, а наш — упал на 8 %.

Между тем в последние десятилетия по мере глобализации культуры национальные экономики и, что особенно важно, различные социально-экономические формации движутся от полюсов к некоему центру, вступая в диалог, творчески заимствуя друг у друга и приспособляя к своим нуждам наиболее эффективные механизмы развития. Реализуется остро критикованная у нас во времена СССР теория конвергенции. Наиболее яркие примеры тому — эволюция экономической жизни и социального устройства Скандинавских стран, Германии, Франции, Китая и др., и даже оплота либерализма — США. В связи с этим весьма остро встает вопрос о создании новой теории, интерпретирующей экономическую деятельность человека как деятельность по своей сути культурную (в широком смысле), но обладающую рядом специфических особенностей.

Интересны идеи, изложенные академиком А. Д. Некипеловым на IX Международных Лихачевских научных чтениях. Александр Дмитриевич констатирует, что современная экономическая наука, сформированная на базе концепции «экономического человека», является большим достижением, поскольку располагает солидным теоретическим аппаратом. С другой стороны, она имеет серьезные ограничения и недостатки, поскольку «экономический человек» — это абстракция. А. Д. Некипелов обращает внимание, что данная концепция предполагает наличие у хозяйствующего субъекта определенной ценностной установки. Само стремление к выгоде — это разновидность ценностной ориентации. Оказывается, что в таком качестве культурная составляющая интегрирована в самое сердце экономической теории¹. Из этого вытекает, что не следует отбрасывать достижения либерального экономического «мэйнстрима», поскольку существует возможность внедрить в сердцевину этой теории иное понимание человека. Представляется, что это — исключительно

¹ Некипелов А. Д. Экономика и культурные ценности // Диалог культур и партнерство цивилизаций : IX Междунар. Лихачевские науч. чтения, 14–15 мая 2009 г. СПб. : СПбГУП, 2009. С. 101.

перспективная идея, открывающая захватывающие возможности для теоретического прорыва путем интеграции экономической теории и культурологии.

Второе, к чему мне хотелось бы привлечь внимание участников данной секции Чтений, это культурологический взгляд на постиндустриальное общество. Академик Абалкин полагает более уместным называть его информационно-индустриальным. В таком определении содержится возможность выявления нового качества взаимодействия духовной и материальной культуры.

Дело в том, что за последние 100–150 лет рынок сильно изменился. Он перестал быть игрой свободных производительных сил, перестал подчиняться существующим утилитарным потребностям и свободной конкуренции в ее, скажем так, первобытно-капиталистическом смысле. Рынок все больше становится системой, производной от идей. Современное информационно-индустриальное общество — это общество, в котором идеологическая, культурная составляющая, смыслы начинают играть все большую роль. И, что особенно важно, роль смыслов становится качественно иной.

Это решающим образом меняет сферу производства материальных ценностей. Французские духи, которые приобретаются в петербургском магазине за 80 евро, до выхода с фабрики имеют себестоимость примерно 1 евро. А 79 евро — это некие идеи, комплекс представлений, смыслы, ценности, которые создаются в сфере духовного производства — с помощью рекламы, социально-культурных технологий, которые во второй половине XX и особенно в начале XXI века получают особое развитие. Один евро платится за материальный продукт, а 79 — за смысл, который создан в сознании у покупателя по заказу производителя. В этой новой ситуации уже не так важно, сколько труда на заводе требуется на производство, скажем, автомобиля «Бугатти», который продается за 2,5 млн долларов. Мы догадываемся, что реальных затрат на производство — не больше 50 тыс. Все остальное — это смыслы.

Философские основы понимания происходящего заложил Мераб Мамардашвили, описавший изменения «в соотношении между действием общественных экономических законов и механизмами сознания людей в нашу эпоху»². Культурное (в широком смысле) развитие, по его мнению, все в большей степени переносит центр тяжести человеческой деятельности с производства материальных предметов на производство смыслов, существующих в человеческом сознании. Этот процесс также может быть изучен только в интеграции экономической и культурологической теорий.

Вот почему сегодня экономисты все больше начинают размышлять о взаимосвязи экономики и культуры. Оказывается, что идеи и культура гораздо больше правят экономикой, чем было принято думать раньше. Ну что же, впереди у нас с вами — большая работа.

Спасибо за внимание.

² Мамардашвили М. Как я понимаю философию. М., 1990. С. 329.